

Актуализация стратегических инструментов научной дипломатии в Российской Федерации в середине 20-х гг. XXI века

Сулейманов Ирек Тавфикович,

кандидат педагогических наук, доцент, Департамент образовательных программ, Институт статистических исследований и экономики знаний, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
E-mail: irek_s@mail.ru

В статье рассматриваются ключевые трансформации стратегических инструментов научной дипломатии в Российской Федерации в условиях изменившегося геополитического контекста середины 20-х годов XXI века. Особое внимание уделено актуализации понятия научной дипломатии, её интеграции в систему государственной научно-технической политики и нормативно-правовой базы. Анализируются изменения в Концепции международного научно-технического сотрудничества (МНТС) 2025 года, включая расширение инструментария, усиление национальных интересов, формирование модели технологического суверенитета и защиту прав российских учёных. Подчеркивается возросшая роль научной дипломатии как механизма преодоления международной напряжённости и продвижения научного влияния России.

Ключевые слова: научная дипломатия, стратегические инструменты, МНТС, геополитика, технологический суверенитет, нормативно-правовая база, международное сотрудничество,

Как справедливо отмечает китайский теоретик и практик научной дипломатии Х. Луо, научная дипломатия — это развивающийся концепт, и он должен адаптироваться по мере изменения геополитического контекста [30].

Анализ процесса эволюции стратегических документов в области МНТС традиционно представлен в работах ведущих отечественных исследователей, в частности, И.Г. Дежиной [3], Г.А. Ключарева [там же], И.В. Данилина [2] и др. В исследовании Р.О. Райнхарда отдельно высвечивается эволюционирование отечественной научной дипломатии в российских стратегических документах [17].

При этом преимущественным фактором отбора стратегических инструментов для анализа выступало эксплицитное упоминание понятия «научная дипломатия» в документах Правительства Российской Федерации. Отметим, что в существующих работах, посвящённых анализу эволюции идей научной дипломатии в стратегических документах Российской Федерации предыдущего десятилетия, зачастую рассматривается имплицитное упоминание концепта научной дипломатии на основе авторских трактовок, что закономерно порождает вопросы к субъективному характеру такого анализа.

Стратегические инструменты научной дипломатии — это политические документы, которые направлены на то, чтобы задать направления того, чего хотят достичь акторы и как реализовать их политические цели. Здесь мы в основном говорим о правительственных документах, которые излагают политику научной дипломатии. Такие документы могут содержать общее «видение» того, чего правительство стремится достичь, или это могут быть более конкретные стратегические декларации, выпущенные правительством или его структурами, такими как Министерство науки и технологий или МИД и пр. [35, р. 12].

Причем идея лидерства обеспечивается не столько прогрессом в науке и инновациях, сколько активным участием в определении международной повестки в этих сферах. На передний план выходит достаточно амбициозная геополитическая составляющая. Именно поэтому научная дипломатия как один из инструментов МНТС приобретает особое значение.

Кроме того, как внутреннее противоречие можно истолковать признание, с одной стороны, приоритета принципов открытости и деполитизированности международного научного сотрудничества [Концепция-2019, 2019, с. 7] на уровне отдельных ученых и коллективов и, с другой стороны, явный геополитический характер самой Концепции-2019.

На основе интерпретации оригинального определения ван Лангенхофе построены классификации, представленные в отечественных работах (к примеру, Г.А. Краснова) [12, с. 11]. Под стратегическими инструментами научной дипломатии понимаются программные (концептуальные) политические документы, задающие стратегические приоритеты и цели страны, а также желаемые результаты: национальные концепции, стратегии национальной безопасности или международного научно-технического сотрудничества. В таких докумен-

тах научная дипломатия редко выступает главной целью или способом реализации интересов страны, однако зачастую в них могут быть обозначены связанные с этой областью положения, такие как создание международных схем сотрудничества в области исследований и содействие международному сотрудничеству с использованием научных обменов ресурсами и знаниями.

Прежде всего, необходимо отметить наличие стратегических документов с эксплицитным упоминанием понятия научной дипломатии.

Отметим, что в рассматриваемых документах просматривается понятийное разделение концептов научной дипломатии и международного научно-технического сотрудничества. При этом в редакции 2025 года присутствуют выверенные определения научной дипломатии и МНТС, в значительной степени уточняющие тончайший водораздел двух этих феноменов.

Рассматривая Концепцию МНТС в редакции 2025 г., с точки зрения ее юридического статуса, необходимо отметить, что она утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 16 мая 2025 г. № 1218-р [9], тогда как документ 2019 г. был одобрен резолюцией профильного Заместителя Председателя Правительства Российской Федерации (8 февраля 2019 г. № ТГ-П8–952) [8]. Как отмечает И.Г. Дежина, фактически это ведомственный документ, за реализацию которого отвечает Министерство науки и высшего образования РФ [3, с. 56]. Очевидно, что новый документ имеет более понятный и значительно усиленный нормативно-правовой статус. Стоит отметить, что в соответствии с упомянутым распоряжением Правительства Российской Федерации Концепция 2025 имеет явный надведомственный характер обязывающей федеральные органы исполнительной власти России направленности «руководствоваться в своей деятельности положениями Концепции».

Вместе с тем, исходным базисом для Концепции 2019 и Концепции 2025, безусловно, является Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации [20], [21]. Концепция 2019 фактически была разработана в рамках реализации СНТР 2016 [14].

Закономерно, что после выхода обновлённой редакции СНТР в феврале 2024 г. появилась новая редакция Концепции МНТС. Примечательно, что в СНТР 2024 впервые на уровне документа стратегического планирования в области государственной научно-технической политики артикулировано понятие научной дипломатии. Посмотреть СНТР 2016. С концептуального ракурса это свидетельствует о планомерной и устойчивой интеграции концепта научной дипломатии и системы ее инструментов в структуру национальной научно-технической политики.

Не углубляясь в экстрагирование имплицитных форм упоминания научной дипломатии в доктринальных документах, все же отметим, что в актуальной редакции Концепции внешней политики РФ [6] заметное внимание уделяется сфере научной дипломатии: в частности, развитию механизмов общественной дипломатии с участием конструктивно настроенных по отношению к России представителей и институтов гражданского общества, а также представителей экспертного и научного сообщества, в контексте популяризации и защите от дискриминации за рубежом отечественных достижений в сфере науки, укреплению образа России как привлекательного государства, содействию научно обоснованным неополитизированным международным усилиям по ограничению негативного воздействия на окружающую среду, повышению эффективности международных научных исследований в сфере здравоохранения, оказанию содействия и развитию связей в гуманитарной сфере,

включая научное сотрудничество (Африка), расширению культурных, научных, и иных гуманитарных связей с государствами региона (Латинская Америка и Карибский бассейн).

В Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации 2016 г. (п. 35), пожалуй, впервые на уровне документа стратегического планирования в области научно-технической политики заявлен ориентир на развитие «механизма научной дипломатии как разновидности публичной дипломатии» (пп. «Г» п. 35) [20]. В актуализированной редакции Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации 2024 г. [21] сохранена преемственность в интеграции научной дипломатии в структуру национальной научно-технической политики, так в пп. «Д» п. 32. документа говорится о «формировании модели МНТС и международной интеграции в области научных исследований и разработок» путем развития научной дипломатии, в том числе в рамках международных, национальных и профессиональных организаций, осуществляемой через представительство в таких организациях» [там же]. Стратегия очерчивает глобальные ориентиры для МНТС и научной дипломатии, делая акцент на «защите национальных интересов Российской Федерации в условиях внешнего давления, сохранении идентичности и повышении эффективности российской науки за счет взаимовыгодного международного взаимодействия» [там же].

Следует отметить, что положения Концепции 2025, касающиеся научной дипломатии, выходят за рамки классического понимания стратегических инструментов научной дипломатии, демонстрируя заметную степень детализации и конкретизации вплоть до уровня оперативных решений. Учитывая, что Концепция занимает уровень стратегического инструмента имеет смысл выделить область тактических инструментов научной дипломатии, которые занимают промежуточное положение между системой стратегических и оперативных инструментов, задавая фокусировку стратегического видения роли научной дипломатии путем формирования перечня предпочтительных инструментов научной дипломатии, близких по своему характеру к инструментам оперативного уровня. При этом приходится констатировать фактическое отсутствие упоминания в тексте т.н. вспомогательных инструментов, связанных непосредственно с поддержкой исследований и развития самой теории научной дипломатии, ее профессионализации в теоретическом и практическом ключе. Безусловно, растущая востребованность научной дипломатии потребует уже в обозримом будущем глубоко профессионального специализированного сообщества экспертов, чтобы не только формировать адекватный времени, запросу и ресурсам инструментарий российской научной дипломатии, но и находить общий язык с зарубежными визави.

Истоки научной дипломатии

Достоинно внимания рассмотрение эволюции перечня документов, в соответствии с которыми разработаны Концепции в редакциях 2019 и 2025 г.: если документ прошлого десятилетия отсылает лишь к СНТР 2016 как исходному иницирующему разработке документа началу, то в Концепции 2025 к таковым относится целый перечень документов стратегического планирования: Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом [7], Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации [21], Указ Президента Российской Федерации от 18 июня 2024 г. № 529 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и пе-

речня важнейших наукоемких технологий», Концепция технологического развития на период до 2030 года [10].

Такая композиция исходного правового и содержательного базиса для формирования Концепции 2025 подкрепляет комплексную межсекторальную природу не только МНТС, но и концепта научной дипломатии (рассматриваемой в документе как форму МНТС), находящую свое отражение и в теоретическом дискурсе (к примеру, Л. Айгнер пишет, что «научная дипломатия» возникла как новая политическая концепция, связывающая науку и технологии и международные отношения» [28, р. 1], П.-Б. Руффини также отмечает, что «на стыке науки и внешней политики научная дипломатия страны относится ко всем практикам, в которых взаимодействуют действия исследователей и дипломатов» [32, р. 16].

Действительно, «порты ведомственной приписки» поименованных документов стратегического планирования дают плюральную картину – научная дипломатия находится на пересечении интересов МИД России, Минобрнауки России, Минэкономразвития России и др., а тем самым – внешней, научно-технической, экономической, технологической и др. политик. Здесь уместно привести позицию Л. Айгнера, подчеркивающего, что результирующая из очень широкого и размытого понимания неоднозначность понятия научной дипломатии является важным элементом ее привлекательности [28, р. 4].

Безусловно, для общего контекстуального понимания базовых векторов эволюции понимания научной дипломатии в Концепциях 2019 и 2025 имеет и генеральное понимание международного сотрудничества в области науки и технологий, которое приводится в обоих документах. Если в Концепции 2019 ключевые ориентиры сотрудничества – интеграция российской науки в мировое научное пространство, учет национальных интересов страны, развитие науки и решение глобальных проблем [8, с. 4], то в тексте 2025 г. ощутима переориентация этих векторов в следующих категориях: глобальное научно-технологическое развитие, реализация национальных интересов страны, повышение влияния российской науки, расширение взаимовыгодного взаимодействия, научно-технологическое развитие и технологический суверенитет Российской Федерации [9, с. 3].

Здесь явно прочитывается обусловленная заметными геополитическими корректировками последних лет, эволюция в направлении более активных, целевых, сфокусированных и диверсифицированных подходов в МНТС, выдвигание на первый план национальной повестки при сохранении и глобальной лексикологии в формулировках. Вполне закономерно, что в Концепции 2025 г. артикулируется и ориентир на технологический суверенитет, к примеру, в схожей логике выстроена архитектура раздела МНТС в утверждённой двумя годами ранее Концепции технологического развития на период до 2030 года (в документе не только дается определение технологического суверенитета, но и, в частности, говорится, что технологический суверенитет обеспечивается в том числе с опорой на устойчивое МНТС с дружественными странами [10, с. 9].

В Концепции 2019 описываются рамочные условия реализации МНТС и интересы России в этой сфере – сообразно тогдашним реалиям прочитывается как минимум равновеликость «глобального контекста» и «собственных задач РФ» в формировании «интересов МНТС РФ» [8, с. 4]. Развитие научной дипломатии объясняется в документе в том же ключе: процессы глобализации и интернационализации как импульсы такого развития [там же, с. 5].

Закономерно, что отдельный раздел Концепции 2025 г. посвящен анализу изменившихся внешних усло-

вий реализации МНТС. Обращает на себя внимание, интерпретация, ассиметричная линейной логике конфронтационного подхода – напротив, документ вычерчивает роль науки в категории ее потенциалов для преодоления международной напряженности и последствий санкционного давления. Постулируются прагматические и, очевидно, долгосрочные ориентиры как на сотрудничество с конструктивно настроенными государствами, так и на более широкую открытость в логике использования МНТС как средства «укрепления или восстановления взаимопонимания, доверия и полномасштабного диалога с зарубежными партнерами» [9]. Однако, если обратиться к Концепции 2019 г., то увидим, что это несколько модифицированные положения п. 10, сохранившие, однако, основной свой посыл: ведь они были увязаны в документе 2019 г. с «первой санкционной волной» в отношении России (после 2014 г.) [8].

В пункте 9 Концепции 2025 в качестве одной из задач российской научной дипломатии артикулируется «формирование устойчивой и не подверженной негативному воздействию политической конъюнктуры модели МНТС, обеспечивающей защиту национальных интересов Российской Федерации и сохранение идентичности российской науки» [9]. Очевидно, эта формулировка отсылает нас к п. «д» статьи 32 СНТР 2024 [21] (хотя тезис о защите «идентичности российской научной сферы» содержится и в СНТС 2016 [20], в текст Концепции 2019 он не перешел), одновременно, очерчивая функционал научной дипломатии как «на внешнем контуре» (взаимодействие с негативной (внешней) политической конъюнктурой) и внутренним – формирование «целевой» модели МНТС). Контрастно с редакцией 2025 г. выглядят формулировки в Концепции 2019 г., согласно которым научная дипломатия выступает значимым инструментом при решении задач в категориях «Больших вызовов», ... МНТС с учетом интересов Российской Федерации» [8, с. 5]. Видим, что несколько отстраненное и космополитичное «с учетом» эволюционировало в МНТС, «обеспечивающее защиту национальных интересов» в редакции 2025 г. [9, с. 4].

Отметим, что в обеих редакциях инвариантом остается особая роль объектов крупной исследовательской инфраструктуры для МНТС и научной дипломатии. При этом варьируются приоритетные отрасли научного знания, к примеру, в редакции 2025 г. особое значение придается природоподобным технологиям [9, с. 4].

В Концепции 2025 г. появляются статьи, раскрывающие суть национальных интересов Российской Федерации в области МНТС, а, значит, и определяющие особенности национальной модели научной дипломатии в России. Перечень профильных национальных интересов сформулирован в духе Концепции технологического развития на период до 2030 года, включая технологический суверенитет страны, защиту законных интересов российской науки, укрепление лидерства и пр. Очевиден, более четкий национально ориентированный контур МНТС и его образа результата, что не выбивается из актуальных мировых трендов, к примеру, если рассмотреть увязку понятий научной дипломатии и технологического суверенитета в последних документах ЕС. Примечательно, в этом же разделе в качестве одной из задач, содействующих достижению актуализированных стратегических целей страны в области МНТС указывается «развитие инструментов научной дипломатии» (п. 18., пп. «ж», [9, с. 7]), что в т.ч. подтверждает «статус» документа как «стратегического» для научной дипломатии (в соответствующем разделе документа в редакции 2019 г., речь идет о более общей материи – о «развитии научной дипломатии»).

Принципиальные изменения Концепция 2025 претерпела в перечне и описании принципов МНТС, если в 2019 г. к таковым относили «квадригу»: открытость, деполитизированность, взаимовыгодность и ответственность [8, с. 7], то в редакции 2025 г. последовательность принципов уже такова – открытость, взаимная выгода, ответственность и равноправие [9, с. 8–9]. Исключенный из перечня принцип «деполитизированности» в соответствии с Концепцией 2019 фактически предполагал отказ от вмешательства в МНТС по политическим или идеологическим причинам. Очевидно, этот принцип утратил свою реалистичность, с учетом санкционного и внешнеполитического давления западных стран, коснувшегося и МНТС. Косвенно выведение этого принципа из системы координат МНТС и научной дипломатии отражает общий тренд «дополненной реальности» научной дипломатии, когда она больше не ограничивается «дипломатией позитивного действия», открыв для себя и санкционные механизмы (к примеру, когда по политическим причинам европейские научные организации прерывали диалог с российскими визави). Примечательно, что образовавшаяся лакуна была заполнена принципом «равноправия», фактически прочитываемого как призыв к деполитизации и равноправному диалогу в науке, «независимо от различий экономического, социального, политического или иного характера» [9, с. 9].

Говоря о направлениях МНТС, в Концепции 2025 г. в качестве некоего ранжира появляется понятие «степени суверенности и конструктивности» политики того или иного государства: отныне этот фактор также принимается во внимание при выстраивании сценариев сотрудничества [9, с. 10], задавая вариативность в степени доверительности взаимодействия с той или иной страной: конструктивная или нейтральная политика; дружественные и недружественные страны...

Претерпела корректировку и иерархия МНТС в категориях уровней взаимодействия – в редакции 2025 г. декларируются глобальный, федеральный и региональный, хотя в тексте соответствующего раздела встречаем «старую» разбивку на уровни в терминологии Концепции 2019 г., где речь шла о глобальном, межрегиональном и региональном уровнях (здесь была заложена логика ранжирования от общепланетарных масштабов (к примеру, ООН) к межрегиональным и региональным межстрановым интеграционным объединениям) [9, с. 9–10]. Очевидно, в редакции 2025 г. изначально была интенция ввести новую уровневую таксономию, однако в утвержденном тексте она остается на декларативном уровне.

Определение научной дипломатии

Стоит обратить внимание, что структура Концепции 2016 г. выстроена таким образом, что в основном тексте документа фактически дается определение лишь ключевого термина – МНТС, тогда как «вспомогательные» понятия выведены в глоссарий в конце документа, что предсказуемо ведет к недопониманию в восприятии основного текста (к примеру в отношении понятия «больших вызовов» в работе Р.О. Райнхарда [17]). Вместе с тем, в тексте Концепции 2016 даются важные для интерпретации понятия научной дипломатии хотя и общие, эскизные характеристики (научная дипломатия как особая форма МНТС), избегая конкретики дается скорее контекстуальная интерпретация концепта: научная дипломатия выступает значимым инструментом при решении проблем, связанных с «Большими вызовами», развитием международных пространств и иными задачами публичной дипломатии и МНТС с учётом интересов

Российской Федерации» [8, с. 5]. Положения Концепции дают представление о функциональной акцентуации научной дипломатии на «укрепление или восстановление взаимопонимания, доверия и полномасштабного диалога с зарубежными партнерами, преодоление стереотипов и идеологических разделительных линий». Тем самым на первый план выступает «миротворческий» потенциал научной дипломатии.

Само формализованное определение в глоссарии гласит, что научная дипломатия – это «особая форма МНТС, относящаяся к публичной дипломатии, представляющая собой систему взаимодействий ученых, научных коллективов, организаций, выполняющих исследования и разработки, и взаимосвязанная с ней деятельность органов власти, направленная на развитие международных отношений с учётом интересов Российской Федерации, развития диалога научно-технического сообщества и улучшения взаимопонимания между народами» [8, с. 19].

Дополнительно дается определение упоминаемым в дефиниции научной дипломатии «организациям, выполняющим научные исследования и разработки»: в контексте МНТС – участники МНТС, выполняющие научные исследования и разработки в рамках реализации определенной субъектами МНТС повестки сотрудничества. Таким образом в Концепции 2016 г. имеет место разграничение МНТС и научной дипломатии, подразумевается разнородность двух этих крайне близких и пересекающихся понятий.

Можно констатировать, что подход к формулированию водораздела во многом перекликается с классической «формулой», представленной, в частности, В. Турекианом [36], К. Монтгомери [33], М.Г. Солер [34], по которой, мотивация международного научного сотрудничества – развитие науки; мотивация научной дипломатии – влияние на отношения.

В Концепции 2025 в качестве ключевых понятий в «основное тело» документа выведены три термина: глобальная повестка научно-технологического развития, МНТС и научная дипломатия. При этом трактовка краеугольного для документа понятия МНТС претерпела корректировку: если в редакции 2016 года речь идет о «сотрудничающих сторонах», как акторах МНТС, то в тексте 2025 г. говорится о «субъектах научной и (или) научно-технической деятельности» – тем самым круг акторов МНТС более сфокусирован и сформулирован в категориях действующего Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике» [22]. Отчасти это снимает некоторые замечания критиков предыдущей редакции Концепции за «метафоричность и неопределенность многих ключевых понятий» [3, с. 63]. Кроме того, унификация терминологии, безусловно, способствует более органичной интеграции документа в общее правовое поле.

Определение понятия научной дипломатии сформулированное в первом разделе Концепции 2025 фактически представляет собой скорректированную дефиницию 2016 г.: формулировка «организации, выполняющие исследования и разработки» замещена конструкцией «научные организации и образовательные организации высшего образования», что уточняет перечень акторов научной дипломатии и приводит лексику документа в соответствие с действующими нормативно-правовыми актами, в частности, с Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» [23]. Кроме того, корректировка формулировки, очевидно, призвана выделить в вузы в качестве полноценных субъектов научной дипломатии, соразмерных научным организациям (вспомним, что еще в 2019 г. А.В. Торкунов характеризовал университеты как уникальное место для

реализации дипломатической функции академического сообщества [19, с. 25]).

Концепция 2016 включает в себя де-факто и описание ряда ключевых оперативных инструментов научной дипломатии (в классификации Л. ван Лангенхофе), статья 26 раздела IV «Основные мероприятия МНТС Российской Федерации» — основной носитель перечня таких инструментов: деятельность атташе по науке, послы российской науки, представительства российских профильных организаций за рубежом, молодежная научная дипломатия [8, с. 13].

При этом включение этих инструментов в Концепцию 2016 как стратегический инструмент научной дипломатии вполне логично, если обратить внимание на лексику соответствующих статей документа: они по сути формулируют стратегическую донстройку и уточнение уже существующих (**повышение** активности атташе по науке) или оглашают необходимость создания новых (**формирование** института послов российской науки), тем самым действуя в поле стратегического характера Концепции.

Инструментализация научной дипломатии

Конкретика инструментального наполнения научной дипломатии приводится в п. 26 Концепции 2019 г. Лаконичный абзац содержит акцентуацию на таких инструментах оперативного уровня (в классификации Л. ван Лангенхофе), как активизация деятельности атташе по науке, формирование института послов российской науки и института зарубежных представительств отечественных организаций, поддержку молодежной научной дипломатии [8, с. 13]. Здесь же необходимо упомянуть концептуальную увязку научной дипломатии и научной коммуникации (систематизация и активизация деятельности по развитию коммуникации между субъектами МНТС в России и за рубежом, повышение информированности зарубежной аудитории...): об этом говорится в п. 28 Концепции 2019, пусть и имплицитно [там же, с. 14]. Как отмечает, А.В. Торкунов, занимаясь популяризацией научных достижений, а также выступая по разнообразным общественным вопросам, ученые нередко привлекают внимание к международно-политическим проблемам, формируя общественное мнение по ним [19, с. 22].

В редакции Концепции 2025 сохранился как пункт об «активизации научной дипломатии» (на этот раз в разделе V «Основные формы МНТС», [9, с. 15], так и утверждение о «смычке» научной дипломатии и научной коммуникации. При этом перечень инструментов научной дипломатии значительно дополнен, в частности, «повышение роли объединений представителей научной общественности как субъекта научной дипломатии». Появление такого рода инструментов расширяет функциональный диапазон российской научной дипломатии, усиливая компоненту «наука для дипломатии» (использование научного сотрудничества для улучшения международных отношений между странами) [31].

Эта группа инструментов основана на аксиоме интернациональной природы науки [к примеру, 26], ее наднациональном характере, на «корпоративном» свойстве ученых — их неинфицированности идеологиями (по А.В. Торкунову, [19, с. 22]), а также на исходной позиции о том, что ключевым актором научной дипломатии являются ученые, как представители наднационального научного сообщества (как пишет Л. Айгнер, «Научная дипломатия возникла и от самих ученых» [28, р. 1–4]). В этом контексте здесь вполне было бы уместно, вслед за А.В. Торкуновым, использовать термин «академической дипломатии» [19, с. 22].

К числу новелл в перечне форм активизации научной дипломатии относится и «развитие научно-экспертного

диалога с участием не только экспертов, но и официальных лиц по актуальным общественным и гуманитарным проблемам в целях снижения конфликтного потенциала международных отношений и активного участия научного сообщества в предотвращении и преодолении кризисов и конфликтов [9, с. 16].

В целом можно констатировать, что дополнения в редакции Концепции 2025 обладают значительными потенциалами укрепления так называемых II и III треков дипломатии.

Чрезвычайно значимо, что инструментами научной дипломатии охвачены не только дружественные и нейтральные направления, но и т.н. недружественный спектр современной геополитической палитры. Концепция 2025 прагматично и в асимметрии к действиям недружественных стран, зачастую провоцирующими выход на изоляционистский трек, постулирует ряд ключевых инструментов научной дипломатии на этом направлении: сохранение (где это возможно и отвечает национальным и научным интересам Российской Федерации) присутствия российских научных организаций и образовательных организаций высшего образования в международных проектах с участием недружественных иностранных государств; поддержание научных контактов с представителями конструктивно настроенных в отношении Российской Федерации кругов в недружественных иностранных государствах в интересах решения задач международного научно-технического сотрудничества [9, с. 16]. Таким образом, артикулирован примат национальных научных интересов над (гео)политической конъюнктурой и соответствующим популизмом.

Другим важным вектором научной дипломатии становится ее протекционистское, антидискриминационное направление, актуальность которого, вызвана очевидным запросом научного сообщества в связи с зачастую неэтичным и дискриминирующим характером действий, прежде всего, недружественных стран. В этой логике закономерным выглядит включение в документ «мониторинга обстановки вокруг российских ученых, научных организаций и образовательных организаций высшего образования в целях недопущения в отношении них действий дискриминационного характера, защиты их прав, свобод и законных интересов от иностранных противоправных посягательств» [9, с. 16].

Третьим направлением модернизации инструментария научной дипломатии становится локализация международных научных мероприятий на территории России [там же]. Безусловно, живое знакомство зарубежных представителей научного сообщества с нашей страной, позволит как минимум воочию удостовериться в несостоятельности целого ряда идеологических и иных стереотипов о нашей стране, в «живом» режиме выстроить человеческие отношения с отечественными учеными, а также познакомиться с потенциалами российского научно-исследовательского сектора.

Рассматривая инструментарий научной дипломатии в Концепции 2025 сквозь призму существующих теорий и классификаций, к примеру подхода «стратегических целей» по Т. Флинку и У. Шрайтереру [29], напрашивается вывод о переходе от «триады» (доступ — продвижение — влияние) к «тетраде»: (доступ — продвижение — влияние — защита), подчеркивая возросшую необходимость защиты прав отечественных исследователей от недружественных действий (в терминологии Концепции 2025).

В части, касающейся управления МНТС в новой редакции прослеживается определенная преемственность, в частности, в указании на ключевую роль Совета при Президенте Российской Федерации по науке и образованию (далее — Совет); подчеркивается «профильная»

координирующая функция Минобрнауки России и РАН, а также общая координирующая функция МИД России. Вместе с тем, в отличие от Концепции 2019 отсутствует «адресное» упоминание отдельных федеральных органов исполнительной власти (Минэкономразвития России, Минпромторг России, [8, с. 19]) – формулировки имеют более универсальный, «фронтальный» характер. Обращает на себя внимание, что исключена и конкретизация инструментов координации реализации МНТС: если в Концепции 2019 речь идет о межведомственной Рабочей группе при Совете, то в редакции 2025 г. заключительные положения носят лишь декларативный характер, констатируя «необходимость координации государственных мер и инструментов реализации иных направлений политики Российской Федерации, имеющих принципиальное значение для успешной реализации международного научно-технического сотрудничества» [9, с. 22]. Очевидно, такая формулировка дает более широкое поле для маневра при конструировании механизмов оперативной координации МНТС, равно как и риски отсутствия таковых площадок.

Важное преимущество Концепции 2025 состоит в отсутствии явной дихотомии, обусловленной санкционной политикой Запада: документ выстроен в логике холодной прагматики гениуинных национальных интересов России и ее глобальной роли и международной ответственности как великой державы.

Очевидно, что имеет место более тонкая «профилизация» инструментов МНТС с одной стороны и инструментов научной дипломатии – с другой: если наполненное реальным научно-технологическим субстантивом МНТС де-факто реализуемо с дружественными и нейтральными юрисдикциями, то профилем научной дипломатии как становятся недружественные государства, те сообщества, использование в отношении которых полноформатных инструментов МНТС не пройдет сквозь «игольное ушко» санкционных ограничений, а гибкие инструменты научной дипломатии имеют на то шанс.

Меняющиеся внешние и внутренние факторы, обуславливающие корректировку общественного и государственного запроса к российской научной дипломатии и ее эффективности, рассматривались рядом авторов. К примеру, Р.О. Райнхард в одной из своих работ 2021 г. обращает внимание на «структурные недостатки...», которые в 2020 г. стали ещё более острыми. Сообразно времени написания статьи автор выделяет в качестве одного из ключевых факторов пандемию COVID-19 [18].

Разумеется и новые геополитические реалии первой пятилетки 20-х годов XXI столетия стали предметом дискуссии о будущем российской научной дипломатии, в частности, М.В. Вилисов рассуждает о расширении пространства для научной дипломатии вследствие «поворота на Восток» в российской внешней политике [1].

Соотнося актуализированный инструментарий научной дипломатии, зафиксированные в Концепции 2025, с современными подходами, к примеру с сформулированной В. Турекианом целевой триадой научной дипломатии (в английском – три «Е» научной дипломатии: Expressing, Equipping, Enhancing [37, р. 2]), можно увидеть, что все из них (может быть, с различной степенью акцентуации и отчетливости) просматриваются в Концепции 2025: демонстрация национальной мощи или влияния, обеспечение лиц, принимающих решения, информацией для поддержки политики, укрепление двусторонних и многосторонних отношений.

Вместе с тем, нельзя не отметить новаторский и не мейнстримовский характер российского подхода к стратегическому инструменту научной дипломатии в целом: если в большинстве стран научная дипломатия боль-

шей частью интегрируется в стратегии внешнеполитического контура, то в России Концепции 2019, как и 2025 демонстрируют принципиально иной, сообразный генетике научной дипломатии подход: СНТР 2024 как и Концепция 2025 являют собой пример интеграции концепта и инструментов научной дипломатии в национальную научно-техническую политику, тем самым выводя на первый план научные интересы страны и научного сообщества.

Вспоминая уроки и успехи научной дипломатии XX в. по снижению ядерной угрозы, американский исследователь Э.У. Колглейзер отмечает, что тогда ученые понимали: наука сама по себе не может решить наши проблемы – только люди могут – но научная дипломатия может помочь [27]. Видится, что таким оптимизмом и верой в комплементарную силу научной дипломатии и должна быть наполнена и движима имплементация рассмотренных документов в области научной дипломатии.

Литература

1. Вилисов М.В. «Поля идей» для научной дипломатии в контексте российского «поворота на Восток». Управление и политика. 2023;2(3):25–45. <https://doi.org/10.24833/2782-7062-2023-2-3-25-45>
2. Данилин И.В. Эволюция международного научно-технического сотрудничества: глобальные тренды и российская политика // Инновации. 2019. № 12. С. 124–134.
3. Дежина И.Г., Ключарев Г.А. Российские Концепции международного научно-технического сотрудничества: смена драйверов развития // Социология науки и технологий. 2020. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskie-kontseptsii-mezhdunarodnogo-nauchno-tehnicheskogo-sotrudnichestva-smena-drayverov-razvitiya> (дата обращения: 17.06.2025).
4. Демидов А.В. Парадоксы научной дипломатии в меняющемся мире и ответственность ученого. Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2023; 9: 122–124
5. Заботкина В.И. Ментальные пространства научной дипломатии // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2023. – Т. 14. – Выпуск 12 (134). Часть II. URL: <https://history.jes.su/s207987840029823-4-1/>. DOI: 10.18254/S207987840029823-4
6. Концепция внешней политики Российской Федерации, утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>
7. Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом, утверждена Указом Президента Российской Федерации от 5 сентября 2022 г. № 611 https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1829856/
8. Концепция международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации, одобрена Правительством Российской Федерации 8 февраля 2019 г. https://www.minobrnauki.gov.ru/upload/2021/07/kontseptsiya_MNTS_Rossiyskoy_Federatsii.pdf
9. Концепция международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации, утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 16 мая 2025 г. № 1218-п <http://static.government.ru/media/files/vDo5TI0xJavZh6dOXnypxriAYDNn4Hkk.pdf>
10. Концепция технологического развития на период до 2030 года, утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г.

- № 1315-p <http://static.government.ru/media/files/KI-J6A00A1K5t8Aw93NfRG6P8OIbBp18F.pdf>
11. Краснова Г.А. Научная дипломатия в современном мире: учеб.-метод. материалы № 9/2021 / [вып. ред.: Е.О. Карпинская, И.А. Бочаров]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2021. – 48 с.
 12. Краснова Г. Возможности научной дипломатии в новых геополитических условиях. 23 мая 2022 г. // РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vozmozhnosti-nauchnoy-diplomatii-v-novykh-geopoliticheskikh-usloviyakh/>
 13. Лагутина М.Л. Российские университеты как акторы научной дипломатии в условиях современного геополитического кризиса // Социальные процессы в российском обществе: проблемы современности и перспективы. Материалы VIII Всероссийской научной конференции с международным участием. Иркутск, 2024, С. 78–85
 14. Об утверждении плана реализации Стратегии научно-технологического развития России, распоряжение Правительства Российской Федерации от 24 июня 2017 года № 1325-п. <http://static.government.ru/media/files/g5OvkCKBOKLEhAXjN94ogSBEI-V39ObPA.pdf>
 15. Осипов Е.А. Дискуссии о новом мировом порядке в контексте научной дипломатии // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2024. – Т. 15. – Выпуск 1 (135). URL: <https://history.jes.su/s207987840029810-0-1/>. DOI: 10.18254/S207987840029810-0
 16. Панченко В.Я., Торкунов А.В. Ученый как дипломат: наука влияет на решение международных конфликтов и проблем. Вестник РФФИ, 2018, № 1(97), сс. 10–13. DOI:10.22204/2410-4639-2018-097-01-10-17
 17. Райнхардт Р.О. Эволюция концептуальных основ российской научной дипломатии 1996–2016 годов / Р.О. Райнхардт // Научный диалог. – 2020. – № 3. – С. 385–401. – DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-385-401.
 18. Райнхардт Р.О. Российская научная дипломатия на распутье: позитивный и нормативный анализ. Вестник МГИМО-Университета. 2021;14(2):92–106. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-2-77-92-106>
 19. Торкунов А.В. Дипломатия академического сообщества: прошлое и настоящее. Мировая экономика и международные отношения, 2019, т. 63, № 9, сс. 22–28. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-9-22-28>
 20. Указ Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449/page/3>
 21. Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358>
 22. Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О науке и государственной научно-технической политике» https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11507/
 23. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 23.05.2025) «Об образовании в Российской Федерации» https://legalacts.ru/doc/273_FZ-ob-obrazovanii/
 24. Чубарьян А.О. Научная дипломатия и ее роль в формировании нового мирового порядка // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2023. – Т. 14. – Выпуск 12 (134). Часть II. URL: <https://history.jes.su/s207987840029821-2-1/>. DOI: 10.18254/S207987840029821-2
 25. Шугуров М.В. Научная дипломатия: парадигмальный сдвиг в условиях геополитической турбулентности // Наука, технологии и ценности в неустойчивом мире. Сборник научных статей IV Конгресса Русского общества истории и философии науки. Москва, 2024, С. 315–318
 26. APS Statement on the International Nature of Science and International Scientific Cooperation, American Physical Society https://www.aps.org/policy/statements/21_1.cfm
 27. Colglazier E.W. Science Diplomacy for the Future <https://www.sciencediplomacy.org/editorial/2024/science-diplomacy-for-future>
 28. Eigner L. The Promise and Paradox of Science Diplomacy in CSS Analyses in Security Policy No. 326, July 2023, pages 1–4.
 29. Flink, Tim, and Ulrich Schreiterer (2010): “Science diplomacy at the intersection of S&T policies and foreign affairs: toward a typology of national approaches.” Science and Public Policy, 37(9), November 2010, pages 665–677.
 30. Luo H. Towards a New Model of Science Diplomacy <https://www.sciencediplomacy.org/perspective/2024/towards-new-model-science-diplomacy>
 31. Royal Society, The (2010): *New frontiers in science diplomacy*. RS Policy document 01/10. January 2010 – RS1619. London: The Royal Society.
 32. Ruffni, P.-B., 2017. Science and diplomacy: a new dimension of in-ternational relations. Springer International Publishing, Cham, p. 16.
 33. Science for Human Security: Science Diplomacy WAAS Talks, October 24, 2023. <https://worldacademy.org/conference-page/waas-talks-series/science-for-hs-science-diplomacy/>
 34. Soler M.G. Introducción a la Diplomacia Científica <https://www.iai.int/admin/site/sites/default/files/uploads/sites/2/Taller-Panama-2018-17-oct-Presentacion-AAAS.pdf>
 35. Tools for an EU Science Diplomacy. Available at: <https://cris.unu.edu/sites/cris.unu.edu/files/Tools%20for%20an%20EU%20Science%20Diplomacy%20~%20Luk%20Van%20Langenhove.pdf> (accessed 02.06.2025).
 36. Turekian V. C. A Strategic Approach to Science Diplomacy https://sciencepolicy.ca/wp-content/uploads/2020/11/science_diplomacy_7.pdf
 37. Turekian V. C., “Building a National Science Diplomacy System,” Science & Diplomacy, Vol. 1, No. 4 (December 2012). <http://www.sciencediplomacy.org/editorial/2012/building-national-science-diplomacy-system>.

UPDATING THE STRATEGIC INSTRUMENTS OF SCIENCE DIPLOMACY IN THE RUSSIAN FEDERATION IN THE MID-20S OF THE 21ST CENTURY

Suleimanov I.T.

National Research University Higher School of Economics

The article examines the key transformations of the strategic instruments of science diplomacy in the Russian Federation in the context of the changed geopolitical context of the mid-20s of the 21st century. Particular attention is paid to updating the concept of science diplomacy, its integration into the system of state scientific and technical policy and the regulatory framework. Changes in the Concept of International Scientific and Technical Cooperation (ISTC) for 2025 are analyzed, including the expansion of instruments, strengthening of national interests, the formation of a model of technological sovereignty and the protection of the rights of Russian scientists. The increased role of sci-

ence diplomacy as a mechanism for overcoming international tensions and promoting Russia's scientific influence is emphasized.

Keywords: science diplomacy, strategic instruments, ISTC, geopolitics, technological sovereignty, legal framework, international cooperation.

References

1. Vilisov M.V. "Fields of ideas" for science diplomacy in the context of Russia's "turn to the East". *Management and politics*. 2023; 2 (3): 25–45. <https://doi.org/10.24833/2782-7062-2023-2-3-25-45>
2. Danilin I.V. Evolution of international scientific and technical cooperation: global trends and Russian policy // *Innovations*. 2019. No. 12. P. 124–134.
3. Dezhina I.G., Klyucharev G.A. Russian Concepts of international scientific and technical cooperation: change of development drivers // *Sociology of science and technology*. 2020. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskie-kontseptsii-mezhdunarodnogo-nauchno-tehnicheskogo-sotrudnichestva-smena-drayverov-razvitiya> (date of access: 17.06.2025).
4. Demidov AV Paradoxes of scientific diplomacy in a changing world and the responsibility of a scientist. *Competitiveness in a global world: economics, science, technology*. 2023; 9: 122–124
5. Zabotkina VI Mental spaces of scientific diplomacy // *Electronic scientific and educational journal "History"*. – 2023. – V. 14. – Issue 12 (134). Part II. URL: <https://history.jes.su/s207987840029823-4-1/>. DOI: 10.18254/S207987840029823-4
6. The concept of foreign policy of the Russian Federation, approved by the Decree of the President of the Russian Federation of March 31, 2023 No. 229 <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>
7. The concept of humanitarian policy of the Russian Federation abroad, approved by the Decree of the President of the Russian Federation of September 5, 2022 No. 611 https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1829856/
8. The concept of international scientific and technical cooperation of the Russian Federation, approved by the Government of the Russian Federation on February 8, 2019 https://www.min-obrnauki.gov.ru/upload/2021/07/kontseptsiya_MNTS_Rossiyskoy_Federatsii.pdf
9. The concept of international scientific and technical cooperation of the Russian Federation, approved by the order of the Government of the Russian Federation dated May 16, 2025 No. 1218-r <http://static.government.ru/media/files/vDo5TI0xJavZh6dOXnypxriAYDNn4Hkk.pdf>
10. The concept of technological development for the period up to 2030, approved by the order of the Government of the Russian Federation dated May 20, 2023 No. 1315-r <http://static.government.ru/media/files/KIJ6A00A1K5t8Aw93NfRG6P8OlBp18F.pdf>
11. Krasnova G.A. Scientific diplomacy in the modern world: teaching and methodological materials No. 9/2021 / [ed. by: E.O. Karpinskaya, I.A. Bocharov]; Russian International Affairs Council (RIAC). – M.: NP RIAC, 2021. – 48 p.
12. Krasnova G. Possibilities of scientific diplomacy in new geopolitical conditions. May 23, 2022 // RIAC. URL: <https://russian-council.ru/analytics-and-comments/analytics/vozmozhnosti-nauchnoy-diplomatii-v-novykh-geopoliticheskikh-usloviyakh/>
13. Lagutina M.L. Russian universities as actors of scientific diplomacy in the context of the modern geopolitical crisis // *Social processes in Russian society: problems of modern times and prospects*. Proceedings of the VIII All-Russian scientific conference with international participation. Irkutsk, 2024, pp. 78–85
14. On approval of the plan for the implementation of the Strategy for Scientific and Technological Development of Russia, Order of the Government of the Russian Federation of June 24, 2017 No. 1325-r. <http://static.government.ru/media/files/g5OvkCK-BOKLEhAXjN94ogSBEIV39ObPA.pdf>
15. Osipov E.A. Discussions about the new world order in the context of scientific diplomacy // *Electronic scientific and educational journal "History"*. – 2024. – T. 15. – Issue 1 (135). URL: <https://history.jes.su/s207987840029810-0-1/>. DOI: 10.18254/S207987840029810-0
16. Panchenko V.Ya., Torkunov A.V. Scientist as a diplomat: science influences the resolution of international conflicts and problems. *Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research*, 2018, No. 1(97), pp. 10–13. DOI:10.22204/2410-4639-2018-097-01-10-17
17. Reinhardt R.O. Evolution of the conceptual foundations of Russian scientific diplomacy in 1996–2016 / R.O. Reinhardt // *Scientific dialogue*. – 2020. – No. 3. – P. 385–401. – DOI: 10.2422/4/2227-1295-2020-3-385-401.
18. Reinhardt R.O. Russian Science Diplomacy at a Crossroads: Positive and Normative Analysis. *MGIMO University Bulletin*. 2021;14(2):92–106. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-2-77-92-106>
19. Torkunov A.V. Academic Diplomacy: Past and Present. *World Economy and International Relations*, 2019, Vol. 63, No. 9, pp. 22–28. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-9-22-28>
20. Decree of the President of the Russian Federation of December 1, 2016 No. 642 "On the Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation" <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449/page/3>
21. Decree of the President of the Russian Federation of February 28, 2024 No. 145 "On the Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation" <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358>
22. Federal Law of August 23, 1996 No. 127-FZ (as amended on August 8, 2024) "On Science and State Scientific and Technical Policy" https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11507/
23. Federal Law of 29.12.2012 No. 273-FZ (as amended on 23.05.2025) "On Education in the Russian Federation" https://legalacts.ru/doc/273_FZ-ob-obrazovanii/
24. Chubaryan A.O. Scientific diplomacy and its role in the formation of a new world order // *Electronic scientific and educational journal "History"*. – 2023. – V. 14. – Issue 12 (134). Part II. URL: <https://history.jes.su/s207987840029821-2-1/>. DOI: 10.18254/S207987840029821-2
25. Shugurov M.V. Scientific diplomacy: a paradigm shift in the context of geopolitical turbulence // *Science, technology and values in an unstable world*. Collection of scientific articles of the IV Congress of the Russian Society for the History and Philosophy of Science. Moscow, 2024, pp. 315–318
26. APS Statement on the International Nature of Science and International Scientific Cooperation, American Physical Society https://www.aps.org/policy/statements/21_1.cfm
27. Colglazier E.W. Science Diplomacy for the Future <https://www.sciencediplomacy.org/editorial/2024/science-diplomacy-for-future>
28. Eigner L. The Promise and Paradox of Science Diplomacy in CSS Analyzes in Security Policy No. 326, July 2023, pages 1–4.
29. Flink, Tim, and Ulrich Schreiterer (2010): "Science diplomacy at the intersection of S&T policies and foreign affairs: toward a typology of national approaches." *Science and Public Policy*, 37(9), November 2010, pages 665–677.
30. Luo H. Towards a New Model of Science Diplomacy <https://www.sciencediplomacy.org/perspective/2024/towards-new-model-science-diplomacy>
31. Royal Society, The (2010): New frontiers in science diplomacy. RS Policy document 01/10. January 2010 – RS1619. London: The Royal Society.
32. Ruffni, P.-B., 2017. Science and diplomacy: a new dimension of international relations. Springer International Publishing, Cham, p. 16.
33. Science for Human Security: Science Diplomacy WAAS Talks, October 24, 2023. <https://worldacademy.org/conference-page/waas-talks-series/science-for-hs-science-diplomacy/>
34. Soler M.G. Introducción a la Diplomacia Científica <https://www.iai.int/admin/site/sites/default/files/uploads/sites/2/Taller-Panama-2018-17-oct-Presentacion-AAAS.pdf>
35. Tools for an EU Science Diplomacy. Available at: <https://cris.unu.edu/sites/cris.unu.edu/files/Tools%20for%20an%20EU%20Science%20Diplomacy%20-%20Luk%20Van%20Langenhove.pdf> (accessed 06/02/2025).
36. Turekian V. C. A Strategic Approach to Science Diplomacy https://sciencepolicy.ca/wp-content/uploads/2020/11/science_diplomacy_7.pdf
37. Turekian V. C., "Building a National Science Diplomacy System," *Science & Diplomacy*, Vol. 1, No. 4 (December 2012). <http://www.sciencediplomacy.org/editorial/2012/building-national-science-diplomacy-system>.